

© 2012 г. А. А. КРИВОПАЛОВ*

ЦАРСТВО ПОЛЬСКОЕ В СТРАТЕГИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ ФЕЛЬДМАРШАЛА И.Ф. ПАСКЕВИЧА В СЕРЕДИНЕ 1840-х ГОДОВ

Соотношение политики и стратегии сравнительно редко исследуется в отечественной историографии, несмотря на то что их взаимосвязь не раз рассматривалась в классических трудах русских военных историков и теоретиков¹. Между тем анализ влияния военно-стратегических факторов и военного строительства на международные отношения позволяет расширить и уточнить представление о логике и механизмах формирования внешней политики Российской империи в середине XIX в. и, в частности, преодолеть устоявшееся отождествление ее исключительно с дипломатической деятельностью². Кроме того, выявление неразрывной связи внутренней, внешней и военной политики Николая I, безусловно, способствует и пересмотру упрощенных черно-белых оценок его царствования³. Благодаря работам Ф. Кэгана и А.В. Кухарука были освещены основные черты преобразований, проводившихся в 1830–1840-е гг. в Военном министерстве и Большой Действующей армии⁴. Однако едва ли они могут быть поняты в полной мере без детального анализа стратегических взглядов как самого Николая I, так и его ближайших советников, и в первую очередь – генерал-фельдмаршала кн. И.Ф. Паскевича, пользовавшегося исключительным авторитетом и влиянием в николаевской армии⁵.

В 1830–1840-е гг. Россия чувствовала себя как никогда уверенно. Основной задачей русской внешней политики в Европе являлось тогда сохранение status quo, сложившегося в результате революционных и наполеоновских войн и вполне отвечавшего долгосрочным государственным интересам России. Данная политика предполагала укрепление союзных отношений с консервативными монархиями, прежде всего – с Австрией и Пруссией, а также постоянную готовность к пресечению реваншистских устремлений Франции, что, в свою очередь, требовало от империи наращивания военной мощи и создания прочных позиций на занятых в 1815 г. западных рубежах. Хотя Россия в то время еще не испытывала перманентной угрозы вторжения соседей с запада, в силу неблагоприятных стратегических факторов (относительная хозяйственная слабость, низкая плотность населения, слабое развитие коммуникаций, территориальная разобщенность потенциальных театров военных действий) для обеспечения ее границ необходимым был своего рода «двухдержавный стандарт», т.е. количественный паритет русских сухопутных войск с объединенными армиями Австрии и Пруссии, о котором после Венского конгресса размышлял еще Александр I⁶. Поддержание его было связано с огромными финансовыми издержками. Содержание сухопутной армии в 1827–1841 гг. составляло не менее 33% от общегосударственных расходов⁷. Тот факт, что Россия в мирное время держала под ружьем более 800 тыс. человек, не был секретом для Европы, но порою вызывал сомнения. К примеру, австрийцы по собственному

* Кривопалов Алексей Алексеевич, аспирант исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

опыту необоснованно предполагали в рядах русской армии огромный некомплект. В феврале 1828 г. посол в Вене Д.П. Татищев сообщал в Петербург, что австрийские генералы насчитывают в русской армии 838 981 человека по спискам, но лишь 470 518 в строю⁸.

Если говорить об общей численности войск, которые Россия могла поставить под ружье в случае войны на западе, то цифра, по меркам того времени, оказывалась более чем внушительной – около 400 тыс. человек. Так, согласно ведомости, составленной 25 февраля 1839 г. в обстановке военной тревоги, связанной с Бельгийским кризисом, в действующих войсках Гвардейского, Гренадерского, I, II, III, IV пехотных, а также I и III резервных кавалерийских корпусов по штатам военного времени находилось 390 831 человек. Из них налицо было 303 346 человек. С учетом пополнений (рекрут и бессрочноотпускных) некомплект составлял 23 425 человек⁹. В полевой артиллерии предполагалось развернуть около 800 орудий.

Для сравнения: по данным русской военной разведки, в сентябре 1847 г. вся французская армия, рассредоточенная по стране в виде 21 территориальной дивизии, за вычетом войск, командированных в Алжир, насчитывала 225 580 человек и 1 236 стволов артиллерии, для которой остро не хватало лошадей. Недостаток лошадей в артиллерии и кавалерии был у французов настолько велик, что, по расчетам генерал-лейтенанта барона Н.В. Медема, собиравшего во Франции военные сведения, они вряд ли могли развернуть в поле более 222 орудий¹⁰. В мае 1851 г. численность французской армии в Европе и Алжире достигла 382 355 человек (из них 288 433 человека в пехоте, 61 600 – в кавалерии, 32 300 – в артиллерии, инженерных и вспомогательных войсках)¹¹, а по другим данным – 384 240 человек (в Европе – 309 240 солдат пехоты и 69 278 кавалеристов, в Алжире – 75 тыс. пехоты и 16 422 кавалериста)¹².

Австрия, крупнейшая из германских держав, также значительно уступала России в силах. При населении в 33 630 381 человек в 1831 г. империя Габсбургов в мирное время располагала армией в 272 204 человека. В случае войны ее численность теоретически возрастала до 527 224 человек¹³. На вооруженных силах Дунайской монархии тяжело сказывался хронический бюджетный дефицит, не позволявший содержать полки в требуемом по штатам комплекте. Накануне революции 1848 г. ее войска мирного времени составляли, по данным русской разведки, всего лишь 231 410 человек и 145 орудий¹⁴. В случае войны австрийцы рассчитывали увеличить их в несколько раз – до 628 124 человек и 1 200 орудий¹⁵.

Пруссия в 1830-е гг. была единственной страной в Европе, применявшей систему всеобщей воинской повинности. По предварительным расчетам русских офицеров Генерального штаба, при населении в 12 993 826 человек королевство в мирное время держало под ружьем 121 916 человек, но после мобилизации пруссаки в принципе могли бы выставить 529 916 человек (с учетом ландштурма и ландвера обеих очередей)¹⁶. Накануне Мартовской революции 1848 г. прусская армия в действующих войсках мирного времени насчитывала 118 343 человека и 324 орудия, а в военное время с ландверами первой и второй очереди – 499 768 человек и 864 орудия¹⁷. Схожие сведения в марте 1848 г. сообщал в Департамент Генерального штаба Военного министерства русский военный корреспондент в Берлине генерал-лейтенант барон Медем¹⁸. По его расчетам, вооруженные силы королевства достигали 190 тыс. человек, а при мобилизации (но без ландштурма) – 439 тысяч¹⁹. В 1840-е гг. армия Фридриха-Вильгельма IV состояла из Гвардейского и восьми территориальных армейских корпусов со штабами в Кёнигсберге, Штеттине, Берлине, Магдебурге, Познани, Бреслау, Мюнстере и Кобленце. Каждый корпус включал в себя две дивизии из одной пехотной кадровой, одной пехотной ландверной и одной кавалерийской бригады. В корпусе также имелись артиллерийский полк, пионерный дивизион, егерский и стрелковый батальоны, а также резервные полки и батальоны с нестроевыми нижними чинами.

Корпуса русской Большой Действующей армии даже в мирное время содержались в высокой степени боевой готовности. Большая Действующая армия возникла при чрезвычайных обстоятельствах в начале Русско-польской войны 1831 г., последовав-

шей вслед за ноябрьским восстанием 1830 г. в Варшаве. В обстановке перерастания варшавского мятежа в войну в декабре 1830 г. бывшему начальнику Императорского Главного штаба фельдмаршалу гр. И.И. Дибичу пришлось экстренно создавать армейское командование для управления несколькими пехотными и кавалерийскими корпусами, стянутыми к театру боевых действий. Ситуация осложнялась тем, что в 1815–1830 гг. основой русских сил на западе империи были именно польские войска, которые теперь перешли на сторону мятежников. Герой Забалканского похода оказался в непростом положении. Ключевые посты в новом армейском штабе заняли хорошо знакомые фельдмаршалу генералы недавно расформированной Дунайской (бывшей «Второй») армии, действовавшей под его командованием в 1829 г. Но войск было мало, и подкрепления пришлось стягивать со всех направлений. Из Петербурга и новгородских военных поселений на запад выступили Гвардейский и Гренадерский корпуса, однако их прибытие растянулось на несколько месяцев²⁰. Стоявший в Западном крае VI (бывший Литовский) корпус до замены в нем офицеров-поляков русскими считался не вполне надежным²¹. I и II пехотные корпуса были взяты из состава Первой армии фельдмаршала гр. Ф.В. Остен-Сакена, штаб которой располагался в Киеве. В распоряжение Дибича также перешли III и V резервные кавалерийские корпуса. Силы, которыми располагала Россия для усмирения Польши, могли быть доведены до 183 тыс. человек²², но сбор их требовал более четырех месяцев. В результате 25 января 1831 г., в день перехода русскими войсками административной границы Царства Польского, в Действующей армии числилось всего 113–114 тыс. человек²³. Последовавшая затем кампания 1831 г. проходила с переменным успехом, разгром польской армии потребовал от России больших усилий. В мае 1831 г. скончавшегося от холеры Дибича заменил новый главнокомандующий – фельдмаршал гр. Паскевич-Эриванский, ставший после победоносного окончания войны и взятия польской столицы светлейшим князем Варшавским.

В мирное время боевое управление Действующей армии было сохранено. Вплоть до конца 1855 г. она оставалась в ведении Паскевича, являясь крупнейшим объединением полевых войск империи и обеспечивая решение целого комплекса взаимосвязанных задач. В случае начала войны в Европе на основе Действующей армии предполагалось осуществить боевое развертывание русских военно-сухопутных сил. Получив подкрепления в виде пехотных и резервных кавалерийских корпусов второй линии, она должна была стать главной ударной группировкой на театре военных действий. Кроме того, армия Паскевича, занявшего пост наместника Царства Польского, отвечала за безопасность и административное управление в мятежном крае, несла на его территории гарнизонную службу. Укрепление же стратегического положения России в Царстве Польском объективно повышало ее ценность в глазах союзников и удерживало их от поиска иных внешнеполитических комбинаций.

Масштабные военные преобразования 1830-х гг., существенно изменившие организацию сухопутных войск империи, закрепили особую роль Большой Действующей армии. В пехоте количество полков и дивизий сократилось со 194 до 110 и с 33 до 30 соответственно (оставшиеся соединения пополнялись при этом до штатной численности), а корпуса и дивизии были унифицированы по своему боевому составу. К 1835 г. императорская армия насчитывала 21 армейскую, 3 гренадерские и 3 гвардейские пехотные дивизии, состоявшие каждая из 4-х полков, сведенных в 2 бригады. Дивизии объединялись в корпуса. 3 гренадерские и 3 гвардейские дивизии сводились, соответственно, в Гренадерский и Гвардейский корпуса. 18 пехотных дивизий последовательно образовывали 6 пехотных корпусов, где в составе I пехотного корпуса числились 1-я, 2-я и 3-я пехотные дивизии, а в составе VI – 16-я, 17-я и 18-я. 19-я, 20-я и 21-я пехотные дивизии вместе с отдельной Кавказской гренадерской бригадой составляли Отдельный Кавказский корпус. 22-я пехотная дивизия постоянно находилась в Финляндии. 23-я пехотная дивизия образовывала Отдельный Оренбургский корпус, а 24-я – Отдельный Сибирский корпус. При этом 22–24 дивизии не имели полковой структуры, а состояли

из линейных батальонов²⁴. По сути, управления этих дивизий являлись территориальными органами, руководившими местными войсками²⁵.

Переформированию подверглась и кавалерия. Легкие кавалерийские дивизии состояли теперь из двух бригад, где первую формировали 2 уланских, а вторую 2 гусарских полка. Организационно они входили в состав пехотных корпусов и получали их номера (с «1» по «6»). В мирное время образовывался также Сводный кавалерийский корпус из 5-й и 6-й легких кавалерийских дивизий, считавшихся «от V и VI пехотных корпусов в командировке»²⁶. 7-я легкая кавалерийская дивизия была придана Гренадерскому корпусу²⁷. Из тяжелой кавалерии создавались «резервные» кавалерийские корпуса, которые могли играть самостоятельную роль не только на полях сражений, но и на театре войны в целом (понятия «резервный» и «отдельный» использовались в данном случае как синонимы). Кавалерийские корпуса являлись регулярными и их боевые управления функционировали на постоянной основе. В состав I корпуса вошли 1-я кирасирская и 1-я уланская дивизии, во II корпус включили 2-ю кирасирскую и 2-ю уланскую дивизии, III резервный кавалерийский корпус составляли 1-я и 2-я драгунские дивизии. Кроме того, был сформирован Гвардейский Резервный кавалерийский корпус. В ходе реорганизации артиллерии в состав каждого корпуса вводились артиллерийские дивизии из четырех бригад, в которых имелись батареи, легкие и конные батареи (номер артиллерийской бригады соответствовал номеру пехотной дивизии). Кавалерийские дивизии комплектовали конно-артиллерийскими бригадами²⁸.

Таким образом, к середине 1830-х гг. корпусная система стала основой армии. Каждый пехотный (армейский) корпус отныне состоял из 3 пехотных, кавалерийской и артиллерийской дивизий. Кроме того, ему полагалось иметь резервную пехотную дивизию (соответствующего номера) из 12 батальонов половинного штата. Корпус становился полностью автономным боевым соединением, способным самостоятельно действовать на отдельном направлении. Наличие в его составе резервных и запасных частей позволяло поддерживать штатную численность полков в условиях неизбежных боевых и санитарных потерь (сами резервные дивизии для прямого использования на полях сражений не предназначались, перед ними ставились менее ответственные задачи, связанные с несением гарнизонной службы в городах и крепостях западных провинций империи).

I, II, III и IV пехотные корпуса составляли Большую Действующую армию, находившуюся под командованием фельдмаршала Паскевича. Гвардия и гренадеры имели собственного главнокомандующего. В мирное время V и VI пехотные корпуса подчинялись военному министру, а резервная кавалерия – своему инспектору. Боевое управление Первой армии в 1835 г. было расформировано. В 1845 г. корпуса Действующей армии дислоцировались на территории Литвы и Белоруссии (I), в Лифляндии и Эстляндии (II), в Царстве Польском (III), в Волынской, Подольской и Киевской губерниях (IV). Усилить армию Паскевича, помимо резервных и запасных войск, могли Гвардейский и Гренадерский корпуса (Петербургская и Новгородская губернии), VI пехотный корпус (Московская и Смоленская губернии), а также 3 резервных кавалерийских корпуса, располагавшихся в военных поселениях на юге империи. Использование V пехотного корпуса для войны в Европе считалось маловероятным: прикрывая границу с Турцией, он был расквартирован в Крыму и Бессарабии (в 1841–1846 гг. в связи с резким обострением обстановки на Кавказе войска V корпуса под командованием А.Н. Лидера участвовали в боевых действиях против горцев)²⁹. Штаб Действующей армии размещался в Варшаве, что объяснялось как политическим значением, так и стратегическим положением Царства Польского. Польский выступ, окруженный с трех сторон прусской и австрийской территорией, представлял собой обширный практически правильный четырехугольник, простиравшийся с севера на юг на 300, а с запада на восток на 350 км³⁰. Его присоединение к империи привело к обретению 4-х миллионов новых подданных, лояльность которых всегда оставалась сомнительной, и заставило задуматься о том, как обеспечить оборону этого «стратегического гласиса» в случае

войны и наступления австрийской или прусской армии, способной отрезать его от сообщений с Россией.

Даже возобновление осенью 1833 г. союза с Австрией и Пруссией не позволяло России полностью исключить возможность враждебных действий с их стороны. Ведь совместное участие трех «северных монархий» в антифранцузских коалициях не помешало Пруссии и Австрии в 1812 г. стать союзниками Бонапарта и выставить против России экспедиционные корпуса численностью 20 и 30 тыс. человек (прусский корпус генерала Л. Йорка фон Вартенбурга вступил на территорию Лифляндии и Курляндии, а австрийские войска кн. К.Ф. фон Шварценберга вторглись на Волынь, но в соответствии с секретным соглашением воздерживались от активных боевых действий)³¹. Недружественную по отношению к России позицию австрийский кабинет занял и во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Перед ее началом нейтралитет Австрии вовсе не был гарантирован. Австрийские войска под предлогом маневров были сосредоточены в Трансильвании. Уверенности в том, что эти маневры не закончатся вторжением в Валахию, не было. Общая численность войск, собранных в Венгрии и Галиции к началу 1828 г., доходила до 70 тыс. человек³². Для обеспечения тыла русской Дунайской армии потребовалось сформировать в Царстве Польском обсервационную армию под командованием вел. кн. Константина Павловича. В ее состав вошли польские войска, 2 пехотных армейских корпуса, гвардейская пехота, 2 сводных и 2 резервных кавалерийских корпуса³³.

Отсутствие решительных успехов в ходе кампании 1828 г. на Дунае, концентрация австрийских сил в Трансильвании и Галиции, а также начавшаяся подготовка к мобилизации прусских войск в Познани открывали перед Россией весьма неблагоприятную перспективу. В Вене положение русской армии на Балканах сравнивали с катастрофическим отступлением французов в 1812 г. из России³⁴. В случае поддержки Пруссией возможного австрийского вторжения в Польшу расквартированные там русские войска могли оказаться в большой опасности. Вел. кн. Константин сообщал Николаю I о том, что донесения разведки свидетельствуют о мобилизации Пруссией V и VI армейских корпусов. Однако цель этих приготовлений не была до конца ясна: 100-тысячная прусская армия в Силезии, Познани и Саксонии равным образом могла угрожать и Царству Польскому, и австрийской Богемии³⁵. В 1828–1829 гг. Пруссия и Франция категорически отказались поддержать планы Меттерниха, рассчитывавшего втянуть в русско-турецкий конфликт нейтральные государства³⁶. Король Карл X заявил своему послу в Лондоне кн. Ж.-О.-А.-М. де Полиньяку, что объявит Австрии войну в случае ее нападения на Россию³⁷. При таких обстоятельствах Вена уже не могла позволить себе активные действия и вынуждена была отступить.

Отношения Петербурга с Берлином во второй четверти XIX в. складывались гораздо лучше. Рейнская провинция Пруссии непосредственно граничила с Францией, и короли Фридрих-Вильгельм III и Фридрих-Вильгельм IV (тесть и шурином русского императора) обоснованно рассчитывали на военную помощь России в случае угрозы со стороны своего западного соседа. Степень сотрудничества русской и прусской армий, по меркам середины XIX в., была беспрецедентной: по решению короля Николаю I доверительно сообщались самые секретные сведения, включая военные планы. В свою очередь русское командование оговаривало не только сроки, но и точные маршруты, и численность подкреплений, выдвигаемых на соединение с союзниками. В 1830 г. бывший начальник императорского Главного штаба фельдмаршал Дибич лично участвовал в совещаниях с прусским генералитетом о маршрутах выдвижения русских корпусов на Одер и Рейн. В 1832 г. генерал-квартирмейстер Действующей армии А.И. Нейдгарт обсуждал этот вопрос с генералом К.Ф. фон Кнезебеком³⁸. В 1835 г. у города Калиш в присутствии Николая I и Фридриха-Вильгельма III состоялись совместные военные маневры. Тесное сотрудничество обеих армий продолжалось и в 1840-е гг.

Однако уже в первые годы правления Фридриха-Вильгельма IV в русско-прусских отношениях стали возникать сперва едва заметные микротрещины. Король вынужден был лавировать между конституционными ожиданиями либералов, стремившихся к

объединению Германии, и консервативными настроениями военных и придворных кругов. Николая I явно раздражала непоследовательность и нерешительность шурина, а также его попытки перехватить у «демагогов» опасное оружие германского национализма³⁹. В письмах 1840–1845 гг. император не раз делился с Паскевичем своими опасениями относительно последствий такой политики для прусской монархии⁴⁰. Впрочем, вплоть до марта 1848 г. прусский союзник ни разу не давал России действительно серьезных поводов для недовольства.

Тем не менее 11 мая 1845 г. Паскевич направил Николаю I подготовленную в Главном штабе Большой Действующей армии записку «Сравнительное соображение сосредоточения русских и прусских войск»⁴¹. В ней говорилось об обороне Царства Польского в случае вторжения на его территорию армии прусского короля – ближайшего в то время союзника Российской империи. Интерес представляет именно кажущаяся умозрительность рассматриваемой угрозы. Паскевич старался заранее предвидеть опасный, хотя и практически невероятный тогда сценарий, при котором русская армия могла быть вынуждена оставить Польшу.

Записка начиналась с анализа соотношения сил на потенциальном театре боевых действий. При этом вопрос о сроках боевого развертывания русских войск в случае войны на западе для Паскевича был неотделим от проблемы обеспечения передового театра войны в инженерном отношении. Возведение мощного «четырёхугольника крепостей» (Новогеоргиевск, Ивангород, Брест-Литовск и Варшавская Александровская цитадель) в 1830–1840-е гг. дополнялось интенсивным строительством шоссированных дорог на возможных операционных направлениях и коммуникационных линиях Действующей армии.

Театр войны в Царстве Польском представлял собой обширную сильно пересеченную реками, болотами и лесами равнину. Висла и ее притоки делили его на несколько изолированных секторов. Русские крепости в Царстве служили одновременно опорными пунктами для войск, расквартированных в стране, тет-де-понами (предмостными укреплениями), укрепленными лагерями для полевых войск, а также исходными пунктами и базами для возможного наступления.

В первом эшелоне находились крепости Новогеоргиевск, Ивангород и Варшавская Александровская цитадель. Первоклассный⁴² Новогеоргиевск (до 1834 г. – Модлин) был возведен в 1832–1841 гг. у слияния Вислы и Буга и к середине 1840-х гг. заслуженно считался одной из сильнейших крепостей Европы⁴³. Он не только обеспечивал переправы через Вислу и Буг, но и являлся основой всего операционного базиса русской армии в направлении на Восточную Пруссию и Померанию. Эта крепость была главной твердыней того треугольника, который Наполеон считал ключом к Польше. По его мнению, страной владел тот, кто контролировал Варшаву, Модлин и Сероцк, а следовательно, и основные переправы через Вислу, Буг и Нарев⁴⁴. Относительно небольшая Александровская цитадель, строившаяся с 1832 г., с одной стороны, могла служить укрытием для русского гарнизона в случае очередного мятежа в польской столице, а с другой стороны, прикрывала важную переправу через Вислу. Крепость 2-го класса Ивангород, при слиянии Вислы и Вепржа, сооружавшаяся с 1837 г., защищала австрийское направление, обеспечивала переправы на Висле и служила базой для развертывания русских сил в южных воеводствах Польши⁴⁵.

Следующий эшелон крепостей включал Динабург, Брест-Литовск и Замостье. Динабург, будучи крепостью 2-го класса, играл в первую очередь роль тет-де-пона на Западной Двине, прикрывая шоссе, идущее из Варшавы на Петербург. Возведение первоклассного Брест-Литовска началось в 1832 г. одновременно с Новогеоргиевском и Александровской цитаделью. Крепость строилась при слиянии рек Буг и Мухавец и обеспечивала безопасность сухопутного пути в глубь России к северу от Полесья. Второклассное Замостье на правом берегу Вислы в Люблинском воеводстве прикрывало со стороны Австрии стратегическое шоссе Брест–Киев, связывавшее Царство Польское и Волынь и проходившее через опасное дефиле вдоль Припятских болот.

Таким образом правый фланг русского крепостного района обеспечивали Новогеоргиевск и Динабург, левый – Ивангород и Замостье, центр прикрывали Александровская цитадель и Брест-Литовск. В третьем эшелоне, служившем основой для выдвинутой на запад передовой стратегической позиции, стояли крепости Бобруйск и Киев, находившиеся, соответственно, к северу и югу от практически непроходимого для регулярных войск Полесья.

Вопрос о роли и месте крепостей в системе обороны западных рубежей России, а также непосредственно связанный с ним вопрос о развитии и совершенствовании путей сообщения обсуждались в 1843 г. на высшем военно-политическом совещании, в котором участвовали всего 5 человек – император, наследник престола вел. кн. Александр Николаевич, Паскевич, военный министр кн. А.И. Чернышев и всемирно известный военный теоретик генерал-адъютант А.-А. Жomini.

Мнения участников совещания разделились. Жomini настаивал на необходимости на случай вторжения с запада превосходящих сил европейской коалиции и поражения Действующей армии в Польше возвести в Литве и на Волыни две разделенные Полесьем системы из 7–8 крепостей каждая (всего 14–16). Укрепления, расположенные в шахматном порядке, должны были составлять стратегические треугольники концентрически и эксцентрически и служить убежищем для армии во всех обстоятельствах и при движении ее по всем направлениям⁴⁶. С этим не соглашался военный министр, справедливо доказывавший, что постройка, содержание и обеспечение такой крепостной сети будет стоить России астрономических финансовых затрат. Кроме того, потребовалось бы выделить крепостные гарнизоны, что неизбежно ослабило бы Действующую армию как минимум на 60 тыс. человек, то есть на четверть ее состава. Преимущество русской армии в Царстве Польском заключалось, по мнению Чернышева, в возможности занять центральное положение и бить неприятеля по частям. Поэтому министр не отрицал значение крепостей, но настаивал, чтобы число их было строго ограничено. Сами крепости воспринимались им не как средство защиты территории, но лишь как необходимый инструмент для обеспечения маневра и боевых операций Действующей армии⁴⁷. Того же взгляда на роль и задачи долговременных и полевых фортификаций придерживался в своей записке 1845 г. и Паскевич.

Коммуникации на западном стратегическом направлении также сходились к Польскому выступу. На Варшаву с востока вели четыре основных маршрута (шоссе из Ковно, Белостока, Брест-Литовска и Люблина). А из центрального района Варшава–Новогеоргиевск расходились дороги на Краков и Ивангород (на юг), на Калиш, Познань и Торн (на запад), на Млаву и Кёнигсберг (на север). Часть этих шоссе появилась еще до войны 1830–1831 гг.⁴⁸ Однако основные работы по созданию дорожной сети внутри русского «четырёхугольника крепостей» были проведены в 1832–1839 гг. под руководством генерал-майора Х.Х. Христиани⁴⁹. Восемь важнейших дорог общей протяженностью в 2 тыс. верст строились за счет средств польского банка, а также шарварковой повинности местных жителей⁵⁰.

Положение России осложнялось длительным сроком сосредоточения ее войск в Царстве Польском, что на первых порах могло дать пруссакам значительное численное превосходство. «Полагается, – писал фельдмаршал, – что для обращения войск обоих государств на военное положение нужно сроку, примерно, от 6 до 8 недель, и что немедленно по истечении оно, войска выступят из настоящих квартир своих»⁵¹. Паскевич предполагал, что «через 26 дней после выступления из постоянных квартир пруссаки могут двинуть к Новогеоргиевску... 149 000 чел[овек] и 560 орудий»⁵². Таблицы, прилагавшиеся к записке, показывали, что первые 76 дней (почти 11 недель) с момента выступления противоборствующих армий из своих квартир прусская армия сохраняла бы над русской значительное численное превосходство, и лишь с 77-го дня соотношение сил изменилось бы в пользу России. Между тем предварительное приведение войск на военное положение непосредственно в районах расквартирования заняло бы еще 6–8 недель.

В своих расчетах сроков прусской мобилизации штаб Большой Действующей армии ориентировался на официальные данные, поступавшие из Берлина. Так, в конце 1840 г. по поручению короля прусский военный министр генерал-майор И. фон Раух доверительно сообщил Николаю I о планах, составлявшихся на случай войны с Францией. Был ознакомлен с ними и князь Варшавский. Из этих материалов следовало, что для сосредоточения на Рейне шести армейских корпусов Пруссии необходимо 2 месяца; сосредоточение девяти корпусов (то есть практически всей тогдашней прусской армии) требовало дополнительно еще 3-х недель⁵³. Однако не следует забывать, что впоследствии мобилизации, проходившие в Пруссии в 1848–1850 и 1859 гг., фактически оказались сорваны по срокам. И оба раза вследствие организационных промахов пополнение действующих войск до штатов военного времени, а также развертывание резервных и ландверных частей не было своевременно обеспечено⁵⁴. По-видимому, опасения Паскевича по поводу возможного запаздывания сосредоточения русских войск в Польше были все же несколько преувеличены.

Сведения о численности прусской армии поступали от русской военной разведки. Профессор Военной Академии и автор трудов по стратегии и высшей тактике генерал-лейтенант барон Н.В. Медем незадолго до Мартовской революции 1848 г. довольно осторожно оценивал наступательные возможности Пруссии. С его точки зрения, боевая ценность ландштурма и ландвера второй очереди была невелика. Кроме того, даже в военное время часть регулярных войск приходилось оставлять внутри королевства. Из этого Медем делал три важных вывода. Во-первых, «Пруссия не в состоянии употребить из числа постоянной своей армии для продолжительных наступательных действий вне своих границ более 120 000, и при величайшем усилии – 140 000 войска, и что, следовательно, она слаба для наступательной войны». Во-вторых, «Пруссия не в состоянии соединить более 200 000 чел[овек]». И, в-третьих, «главная сила настоящей военной организации Пруссии заключается в возможности сильной постоянной обороны государства, потому что при отступлении армия может быть с каждым шагом усиливаема ландвером и даже ландштурмом тех провинций, в которые она отступает»⁵⁵. Таким образом, расчеты Паскевича относительно времени, необходимого пруссакам, чтобы собрать армию на своих восточных границах, а также оценка им возможной численности этих войск, если и не являлись абсолютно точными, то, как минимум, были серьезно обоснованными.

Масштабное использование противником железных дорог для ускорения мобилизации в 1840-е гг. еще не предусматривалось, хотя русские военные с середины 1830-х гг. проявляли интерес к возможностям нового вида транспорта. Пруссия начала экспериментировать с использованием железных дорог в военных целях на рубеже 1830–1840-х гг. Однако первый опыт крупномасштабной мобилизации, предпринятой пруссаками в мае 1850 г. в обстановке казавшейся тогда близкой войны с Австрией, завершился громким провалом⁵⁶. На железных дорогах воцарились хаос и неразбериха. Единых мобилизационных расписаний и графиков движений поездов не существовало, как не существовало и самого понятия о необходимости составления для железных дорог расписания военного времени. Перевозки войск и снаряжения осуществлялись под контролем Министерства торговли, о выделении военного персонала в эшелоны и на станции командование заблаговременно не позаботилось. Революционный кризис лишь усугублял положение. Офицеры и генералы к ужасу своему выяснили, что «командующие войсками совершенно были предоставлены доброй или злой воле по большей части демократических управлений и чиновников железных дорог»⁵⁷. Мобилизация 490 тыс. человек потребовала более 2-х месяцев, за это время в 1840 г. предполагалось мобилизовать войска без использования железнодорожного транспорта. Пополнение частей до штатов военного времени также оказалось сорвано: лошадей не хватало. В результате Пруссия оказалась не в состоянии поддержать военной силой свои претензии на политическое доминирование в Германии.

Оценив силы и примерные сроки развертывания противоборствующих армий, русский главнокомандующий переходил в своей записке к анализу возможного хода бое-

вых действий. Прусское наступление представлялось Паскевичу в виде сходящегося движения двух неравных по численности группировок с севера и запада. Относительно немногочисленные войска прусского правого крыла (34 тыс. человек с 192 орудиями) могли перейти в наступление с запада, нанося удар от Позена в направлении Новогеоргиевска и Варшавы, тогда как левое крыло, втрое превосходя по силе правое (115 тыс. человек с 368 орудиями), нанесло бы главный удар из Восточной Пруссии от Торна через Млаву на Сероцк и Новогеоргиевск⁵⁸.

С точки зрения основ оперативного искусства, или, как его именовали в середине XIX в., высшей тактики, принимать сражение в таких условиях не представлялось возможным. Положение русской армии в Царстве Польском на протяжении первого месяца войны практически исключало успешную оборону края. Даже пользуясь выгодной дислокацией у крепости Новогеоргиевск, то есть находясь в центре между выполнявшими охват прусскими армиями, русская сторона «в первые 24 дня после выступления пруссаков из Торна и Позена» могла собрать лишь 77 тыс. человек и 248 орудий против 149 тысяч и 560 орудий у противника. Затруднения русской армии, по мнению Паскевича, проистекали от того, что «у пруссаков постоянное расквартирование войск гораздо более сосредоточено, нежели у нас»⁵⁹. «Столь неравная борьба, – признавал он, – подвергнула бы помянутые войска наши величайшей опасности: неприятелю было бы легко припереть их к Новогеоргиевску и совершенно отрезать от России, или, по крайней мере, отбросить с величайшей потерей на Волынь, тогда как главные подкрепления должно нам ожидать через Литву»⁶⁰.

В начале войны русская армия не смогла бы сравниться с противником и по численности полученных подкреплений. Неприятель сохранял бы превосходство в силах на протяжении месяца, даже если бы не отправил на театр войны VII и VIII армейские корпуса, расположенные в мирное время на Рейне, и более двух месяцев, если бы эти корпуса все же появились на театре войны.

В подобных обстоятельствах, считал Паскевич, не было иного выхода, кроме сдерживания противника и организованного отступления: «Нам ничего бы не оставалось делать другого, как стараться замедлять их следование авангардами, действующими против обеих колонн их, и с приближением первой к Сероцку, оставив гарнизоны в Новогеоргиевске, Александровской цитадели, Замостье и Ивангороде, отступить к Литве»⁶¹. Крепости Царства Польского следовало обеспечить достаточными для надежной обороны гарнизоны. Крупнейшая из них – Новогеоргиевск – требовала, по расчетам фельдмаршала, не менее 14 тыс. человек для защиты верков в случае осады. Располагаясь на узловых коммуникационных пунктах, крепости должны были замедлить темпы неприятельского наступления. Судя по замечаниям, оставленным на полях записки, Николай I полностью согласился с «Соображениями» фельдмаршала.

Признавая, что прусское наступление заставит «временно отступить из Царства Польского», навстречу выдвигавшимся с востока резервам, князь Варшавский вместе с тем намечал шесть конкретных мер, призванных улучшить положение русской армии в начале войны⁶².

Прежде всего главнокомандующий предлагал «провести новое шоссе по левому берегу Буга до окрестностей Нура, а оттуда до места, где шоссе из Бреста в Бобруйск пересекается рекой Щарой»⁶³. Кроме того, он считал необходимым, при неизбежности войны, возвести на месте пересечения нового шоссе с р. Буг два мощных полевых предместных укрепления. Опасения фельдмаршала за операционную линию русских войск в Царстве Польском нельзя не признать основательными. В случае вторжения неприятельских войск из Восточной Пруссии, сообщение с Литвой по шоссе Белосток–Гродно–Вильна–Динабург становилось ненадежным. Отступление же русских войск по шоссе Варшава–Брест, как и отступление на Волынь, означали бы добровольное очищение Царства Польского и потому были крайне нежелательны. Наконец, движение в любом направлении, кроме литовского, отдаляло соединение с резервами. Предпочтительным, по мнению Паскевича, являлось направление Варшава–Нур–Бобруйск. Преимущество этого маршрута заключалось в наличии прикрытого с севера рекой Буг

пути отступления на восток. Мысль о строительстве предмостного укрепления на Буге в районе Нура, скорее всего, была навеяна опытом последней кампании против поляков: именно у Нура и Брока в январе 1831 г. армия Дибича форсировала Буг, вынудив мятежников отступать до самой Варшавы⁶⁴. Таким образом, предложение фельдмаршала существенно повышало устойчивость всей операционной линии в случае войны с Пруссией.

Паскевич рекомендовал также «увеличить несколько число артиллерии в корпусах Действующей армии»⁶⁵. Сравнительная таблица, помещенная в конце его записки, показывала, что на протяжении первых двух месяцев войны «мы будем иметь только 248 орудий, а пруссаки сперва 560, а потом 656»⁶⁶. Поэтому следовало заблаговременно создать артиллерийский резерв, разместив в районе Бреста 96 батарейных и легких орудий. Число лошадей при батареях могло быть ограничено нормами мирного времени. В военной обстановке Паскевич брался снабдить батареи конским составом за счет Царства Польского. При этом главнокомандующий считал необходимым иметь не менее 40 орудий на каждую пехотную дивизию. «Опыт 1812 г. и последующих годов, – напоминал он, – может почитаться доказательством, сколь полезно иметь много артиллерии при войсках. При дивизиях из 12 слабых батальонов мы имели тогда по 36 орудий; и можно сказать, что это превосходство в артиллерии доставило нам одно из главнейших средств к удачному отступлению, а потом и к успехам нашим»⁶⁷.

Третье предложение касалось изменений в расквартировании войск на Украине, а именно передислокации двух дивизий с их артиллерией от Днестра на запад Волынской губернии и одной артиллерийской бригады – на запад Подольской губернии. Благодаря этому, рассчитывал Паскевич, «при первых действиях наших около Вислы, нам можно будет противопоставить неприятелю целую пехотную дивизию и 64 орудия более, чем при настоящем расквартировании помянутых войск»⁶⁸.

Восполнять неизбежные в ходе боевых действий потери князь Варшавский советовал за счет сверхкомплектных невооруженных рядовых, «по примеру того, как было в 1815 г. при выступлении нашей армии во Францию»⁶⁹. Подобное решение он признавал рациональным и не слишком затратным, так как для этих солдат «не потребуются ни штабов, ни офицеров, ни унтер-офицеров»⁷⁰. Соответственно, в каждой из шести пехотных дивизий, расположенных в Царстве Польском, предлагалось дополнительно содержать по 50 человек в роте. Оружие для них хранилось бы в Новогеоргиевске и Бресте. В результате русские войска, столкнувшись с противником на Висле, получили бы еще 18 тыс. подготовленных солдат. Вместе с тем, отмечал Паскевич, такая мера не влекла «за собой огласки, могущей возродить в Пруссии опасение, что мы против нее вооружаемся, чего, кажется, необходимо сколь можно более избегать»⁷¹.

Пятое и шестое предложения фельдмаршала касались гарнизонов крепостей. Князь Варшавский настаивал на том, чтобы гарнизонные батальоны в Новогеоргиевске и Замостье содержались в полном комплекте, и желал, по примеру пехотных дивизий, «равномерно иметь в них на каждую роту по 50 сверхкомплектных рядовых»⁷². Он также просил увеличить в Новогеоргиевске число гарнизонных артиллерийских рот, поскольку надежная защита этой крепости имела ключевое значение для обороны Царства Польского.

Паскевич надеялся, что после реализации данной программы «число войск, с которыми нам можно будет первоначально встретить неприятеля близ Новогеоргиевска, усилится, во-первых, целой пехотной дивизией и 64 орудиями по случаю перемены дислокации на Волыни; во-вторых, 18 000 рядовых, которые получатся от сверхкомплектно содержимых 50 человек в ротах шести пехотных дивизий, и, в-третьих, 96-ю орудиями предполагаемого особого артиллерийского резерва»⁷³. Превосходство в силах, в случае начала предполагаемой войны, оставаясь на стороне прусской армии, становилось уже не столь безнадежным. Русская армия получала возможность «противопоставить первоначально 149 000 чел[овек] пруссаков с 560 орудиями 108 000 чел[овек] с 408 орудиями»⁷⁴.

Все эти предложения главнокомандующего Большой Действующей армией были одобрены императором. Однако на практике, вследствие хронического недостатка средств, строительные работы в крепостях продвигались медленно. В дислокации русских войск серьезных изменений не произошло. Планы строительства нового шоссе и создания артиллерийского резерва в районе Бреста остались нереализованными.

Для выполнения намеченной Паскевичем программы подготовки театра войны и сокращения сроков боевого развертывания армии в Польше России было отпущено не так уж много времени. Уже весной 1848 г. революции в Европе поставили перед императорской армией совсем другие задачи. Необходимость противодействия революционному кризису потребовала привести Действующую армию на военное положение. Развернувшиеся вдоль границ русские войска готовились к большой европейской войне и походу на запад, тогда как планы обороны Царства Польского оказались отодвинуты на неопределенное время. Мобилизованная русская армия стояла под ружьем в течение 1848 г., в 1849 г. последовала скоротечная Венгерская кампания. Практически весь 1850 г. армия находилась в боевом положении, так как обострившийся австро-пруссский конфликт угрожал перерасти в полномасштабную войну. Лишь в 1851 г. наступила передышка, но ненадолго – во второй половине 1852 г. очередной восточный кризис снова потребовал привести корпуса в боевую готовность.

Кроме того, сказывалась и действительно низкая вероятность русско-прусского конфликта в середине 1840-х гг. Расчеты Паскевича исходили из наилучшего для России сценария. Фельдмаршал готовился к борьбе практически со всей прусской армией (его записка предполагала вторжение в Польшу всех девяти армейских корпусов, включая гвардию). Учитывая натянутые отношения Берлина и Парижа в 1840-е гг., подобное оголение западной границы Пруссии было практически невероятно. Таким образом, майская записка 1845 г. осталась лишь памятником русской стратегической мысли, основные положения которой не могли быть тогда же осуществлены. Отвлекаясь на решение неотложных внешнеполитических задач, Россия не имела возможности укреплять положение Действующей армии в Царстве Польском на случай войны с ближайшим союзником. Лишь полное изменение баланса сил в Европе превратит его в потенциально смертельно опасного противника и решительно изменит приоритеты русской стратегии, сделав оборону Польского выступа важнейшей задачей.

Примечания

¹ См., например: *Шапошников Б.М.* Мозг армии. Кн. 1–3. М.; Л., 1927–1929; *Керсновский А.А.* Философия войны. М., 2010.

² *Айрапетов О.Р.* Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006.

³ См., например: *Высочков Л.В.* Николай I. М., 2006; *Шевченко М.М.* Конец одного Величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003. С. 185–194; *он же.* Историческое значение политической системы императора Николая: новая точка зрения // XIX век в истории России: Современные концепции истории России XIX века и их музейная интерпретация. Труды ГИМ. Вып. 163. М., 2007. С. 281–302. *Айрапетов О.Р.* Указ. соч. С. 188–222.

⁴ *Kagan F.W.* The military reforms of Nicholas I. N.Y., 1999; *Кухарук А.В.* Действующая армия в военных преобразованиях правительства Николая I. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1999.

⁵ Подробнее см.: *Щербатов А.Л.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность. Т. 1–7. СПб., 1888–1904; *Кривошолов А.А.* Фельдмаршал И.Ф. Паскевич и проблема стратегии России в Восточной войне 1853–1856 гг. // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. 7. М., 2009. С. 238–272.

⁶ *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д. Киселев и его время. Т. 1. СПб., 1882. С. 30.

⁷ См.: *Daly J.C.K.* Russian seapower and «The Eastern question» (1827–1841). Annapolis, 1991. P. 191. О военных расходах в царствование императора Николая I см.: *Блюх И.С.* Финансы России XIX столетия (история, статистика). Т. 1. СПб., 1882. С. 268–271.

⁸ РГВИА, ф. 38, оп. 5, д. 1, л. 84.

⁹ Там же, оп. 4, д. 359, л. 171–190.

¹⁰ Там же, оп. 5, д. 436, л. 37–54 об.

¹¹ Там же, ф. 14014, оп. 2, д. 39, л. 159–159 об.

¹² Там же, л. 128 об., 135 об.

¹³ Числительный состав войск стран Европы // Военный журнал. 1835. № 1–3. С. 121–160.

¹⁴ РГВИА, ф. 14014, оп. 2, д. 20, л. 5 об.–6.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Числительный состав войск стран Европы. С. 121–160.

¹⁷ РГВИА, ф. 14014, оп. 2, д. 20, л. 5 об.–6.

¹⁸ Военным корреспондентом в России в середине XIX в. назывался офицер или чиновник МИД, собиравший за границей по заданию Военного министерства сведения военного характера. Деятельность корреспондентов Военного министерства, в отличие от лазутчиков и тайной агентуры, носила подчеркнuto легальный характер. Донесения военных корреспондентов, наряду с дополнявшими их докладами из русских посольств и консульств, являлись для Департамента Генерального штаба в то время основным источником информации об иностранных армиях.

¹⁹ РГВИА, ф. 432, оп. 1, д. 106, л. 4 об.–6 об.

²⁰ *Смитт Ф., фон.* История польского восстания и войны 1830 и 1831 гг. Т. 1. СПб., 1863. С. 307–309.

²¹ *Зеланд А.Л.* Воспоминания о польском восстании и войне. 1830–1831 // Русская старина. 1892. Т. 75. № 9. С. 522.

²² *Пузыревский А.К.* Польско-русская война 1831 г. Т. 1. СПб., 1890. С. 33.

²³ Там же. С. 67.

²⁴ Подробнее о составе пехотных дивизий см.: *Зайончковский А.М.* Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 1. Приложения. СПб., 1908. С. 462.

²⁵ ПСЗ-II. Т. 8. Отд. 1. СПб., 1834. № 5943.

²⁶ Там же. № 6065. С. 156. § 6.

²⁷ Там же. № 6065.

²⁸ Там же. № 6676.

²⁹ *Гизетти А.Л.* Хроника кавказских войск. Ч. 1. Тифлис, 1896. С. 90, 94–97, 102.

³⁰ Об особенностях Царства Польского как театра военных действий см.: *Пузыревский А.К.* Указ. соч. Т. 1–2. СПб., 1890.

³¹ *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 1. СПб., 1843. С. 69, 79.

³² *Kagan F.W.* Op. cit. P. 90.

³³ *Епанчин Н.А.* Очерк похода 1829 г. в европейской Турции. Ч. 1. Подготовка к походу. СПб., 1905. С. 62.

³⁴ *Kagan F.W.* Op. cit. P. 94.

³⁵ Ibid. P. 90–92.

³⁶ *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 8. Трактаты с Германиею. 1825–1888. СПб., 1888. С. 118.

³⁷ *Татищев С.С.* Император Николай и иностранные Дворы. Исторические очерки. СПб., 1889. С. 135.

³⁸ РГВИА, ф. 38, оп. 4, д. 360, л. 1–6.

³⁹ История внешней политики России. Первая половина XIX в. М., 1999. С. 343–345, 351.

⁴⁰ *Щербатов А.Л.* Указ. соч. Т. 5. Приложение. СПб., 1896. С. 477–478, 495, 497–498, 501, 504, 509, 516, 522, 529.

⁴¹ РГВИА, ф. 846 (ВУА), оп. 16, д. 1216, л. 1–17.

⁴² В русской фортификации середины XIX в. преобладало разделение крепостей на 1-й, 2-й и 3-й классы, отличавшиеся друг от друга по степени своих оборонительных возможностей, а именно: мощностью и протяженностью верков, численностью гарнизона и артиллерии. Характерно, что русская военная мысль николаевского времени признавала возможность несоответствия между величиной и стратегической важностью крепости. См., например: *Военный энциклопедический лексикон.* Т. 8. СПб., 1855. С. 532.

⁴³ *Яковлев В.В.* История крепостей. М., 2000. С. 145–146.

⁴⁴ *Пузыревский А.К.* Указ. соч. Т. 1. С. 50.

⁴⁵ *Яковлев В.В.* Указ. соч. С. 147.

⁴⁶ РГВИА, ф. 846 (ВУА), оп. 3, д. 1, л. 36–58 об.

⁴⁷ Там же, л. 59–64 об.

⁴⁸ *Пузыревский А.К.* Указ. соч. Т. 1. С. 46.

⁴⁹ Щербатов А.Л. Указ. соч. Т. 5. СПб., 1896. С. 203–208, 301. См. также: Кухарук А.В. Указ. соч. С. 136–137.

⁵⁰ Сохранившаяся со времен Средневековья на землях бывшей Речи Посполитой феодальная повинность, предполагавшая использование крестьян на работах по ремонту дорог, плотин, мостов и пр.

⁵¹ РГВИА, ф. 846 (ВУА), оп. 16, д. 1216, л. 1.

⁵² Там же, л. 1 об.–2.

⁵³ Там же, ф. 432, оп. 1, д. 91, л. 10 об.–12, 29.

⁵⁴ Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Т. 2. М.; Л., 1928. С. 185. *McElwee W.* The art of war Waterloo to Mons. L., 1974. P. 30.

⁵⁵ РГВИА, ф. 432, оп. 1, д. 106, л. 4 об.–6 об.

⁵⁶ *Buchholz A.* Moltke, Schliffen and Prussian war planning. Oxford, 1993. P. 36.

⁵⁷ РГВИА, ф. 38, оп. 5, д. 728, л. 4 об.

⁵⁸ Там же, ф. 846 (ВУА), оп. 16, д. 1216, л. 1 об.–2.

⁵⁹ Там же, л. 4.

⁶⁰ Там же, л. 3–3 об.

⁶¹ Там же, л. 2 об.–3.

⁶² Там же, л. 4.

⁶³ Там же, л. 4–4 об.

⁶⁴ *Пузыревский А.К.* Указ. соч. Т. 1. С. 73.

⁶⁵ РГВИА, ф. 846 (ВУА), оп. 16, д. 1216, л. 5 об.–6.

⁶⁶ Там же, л. 5 об.

⁶⁷ Там же, л. 6.

⁶⁸ Там же, л. 6 об.–7.

⁶⁹ Там же, л. 7.

⁷⁰ Там же, л. 7–7 об.

⁷¹ Там же, л. 7 об.

⁷² Там же, л. 7 об.–8.

⁷³ Там же, л. 8–8 об.

⁷⁴ Там же, л. 8 об.

© 2012 г. Н. М. АЛЕКСАНДРОВ*

СКОЛЬКО КРЕСТЬЯНИНУ НАДО ЗЕМЛИ? (К вопросу о норме крестьянского надела в пореформенной России)

Земельные реформы 60-х гг. XIX в. и пореформенное развитие российской деревни давно уже стали предметом тщательного изучения ученых. Однако, несмотря на значительные успехи в исследовании этих тем, многие вопросы продолжают активно дискутироваться. Одним из них является вопрос о величине земельного надела, необходимого для нормального функционирования крестьянского хозяйства в пореформенный период. Без ответа на него трудно дать объективную оценку самим реформам и определить, с каких «стартовых позиций» крестьянское хозяйство вошло в капиталистическую эпоху. В настоящей статье предпринимается попытка показать, какие подходы и методы применялись в разные эпохи для решения вопроса о норме крестьянского надела.

При всей критике реформы 1861 г. надо помнить, что освобождение крепостного населения совершилось в России на совершенно иных принципах, чем в Западной Европе. Кроме личной свободы крепостному крестьянину была дана земля. Мысль о

* Александров Николай Михайлович, кандидат исторических наук, доцент Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.